

Ефремова Марина Петровна

канд. экон. наук, доцент, доцент

Якимов Егор Васильевич

магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ

***Аннотация:** в статье анализируются ключевые направления трансформации мирового рынка нефти и нефтепродуктов в период 2020–2026 гг. Рассматриваются изменения в структуре спроса и предложения, вызванные энергетическим переходом, геополитической фрагментацией, санкционными ограничениями и технологическими сдвигами.*

***Ключевые слова:** мировой рынок нефти, нефтепродукты, ОПЕК+, ценовая волатильность, декарбонизация.*

Мировой рынок нефти и нефтепродуктов традиционно выступает одним из наиболее сложных и системообразующих элементов глобальной экономики [1, с. 12]. От цен на углеводороды зависят макроэкономические показатели стран-экспортеров и импортеров, траектория мировой инфляции, курсовая политика центральных банков и инвестиционный климат. В течение 2020–2026 гг. нефтяной рынок столкнулся с множеством глобальных вызовов и трансформировался [2, с. 8].

Рассмотрим основные тренды на рассматриваемом рынке. Первой ключевой тенденцией является устойчивый сдвиг эпицентра спроса на нефть и нефтепродукты из стран Организации экономического сотрудничества и развития в Азиатско-Тихоокеанский регион. Как отмечает М.Л. Белова, развивающиеся экономики Азии, прежде всего Китай и Индия, обеспечивают основной прирост мирового потребления нефти [3, с. 20]. По данным Международного

энергетического агентства, в 2025 году на эти две страны приходилось уже более 45% мирового прироста потребления [2, с. 17]. Это связано с индустриализацией, ростом парка автотранспорта и развитием нефтехимической промышленности. На стороне предложения доминирующим трендом становится стратегия «рационального производителя» в лице ОПЕК+. Л.М. Григорьев и А.А. Курдин подчеркивают, что Саудовская Аравия и Россия в период 2022–2026 гг. альянс фокусируется на ценовой стабильности [4, с. 12].

Таблица 1

Трансформация мирового рынка нефти в 2020–2026 гг.

Тренд	Характеристика	Последствия для рынка
Сдвиг спроса в АТР	Китай и Индия – более 45% прироста потребления	Новые логистические хабы (Сингапур, Шанхай)
ОПЕК+ как регулятор	Добровольные сокращения 2,2 млн барр./сут.	Ценовой коридор 70–90 долл. за баррель
Геополитическая фрагментация	Распад на «восточный» и «западный» сегменты	Рост теневого флота (около 600 судов)
Декарбонизация НПЗ	Закрытие устаревших заводов в Европе	Переход на биотопливо и нефтехимию
Цифровизация	Алгоритмический трейдинг, блокчейн, IoT	Снижение транзакционных издержек

Источник: составлено автором по данным [1–9].

Как видно из таблицы 1, ключевые тренды систематизированы по пяти основным направлениям. Механизм добровольных сокращений ОПЕК+ (суммарно около 2,2 млн барр./сут. в 2025 году) позволяет удерживать котировки Brent в целевом диапазоне 70–90 долл. за баррель, предотвращая как обвал, так и перегрев, который разрушает спрос [4, с. 18].

Вторым значимым трендом выступает геополитическая фрагментация и распад единого глобального нефтяного рынка на условные «восточный» и «западный» сегменты [7, с. 47]. И.А. Яковлев отмечает, что после введения потолка цен на российскую нефть (60 долл. за барр.) и эмбарго на нефтепродукты Евро-

па переориентировалась на Ближний Восток и США. Россия, в свою очередь, перенаправила потоки в Индию и Китай, предлагая скидки до 15–20 долл. за баррель относительно Brent [8, с. 14]. Это привело к росту так называемого теневого флота – судов с неясной страной регистрации, перевозящих российскую и иранскую нефть. По экспертным оценкам, их количество достигло около 600 единиц. Логистические издержки выросли на 30–40%, что сформировало региональные ценовые маркеры. Например, цена на Urals в индийском порту Мумбаи теперь независима от Brent в Роттердаме [8, с. 16]. Параллельно наблюдается тренд на локализацию нефтепереработки: страны-импортеры (Кувейт, Оман, Нигерия) строят современные нефтеперерабатывающие заводы на своей территории, чтобы экспортировать не сырую нефть, а продукты с высокой добавленной стоимостью [5, с. 40].

Третья тенденция связана с цифровизацией и оптимизацией цепочек поставок. Е.В. Матвеева в своем исследовании подчеркивает, что современный нефтяной рынок все больше опирается на алгоритмическую торговлю и технологии больших данных [6, с. 23]. Крупные трейдеры используют нейросети для прогнозирования спроса на бензин по данным GPS-треков мобильных телефонов и спутниковых снимков заполненности резервуаров. Это позволяет сократить спред между фьючерсами и спотовыми ценами [6, с. 24]. Кроме того, блокчейн-платформы начинают вытеснять бумажные коносаменты, хотя массовое внедрение сдерживается юридическими коллизиями. Для нефтепродуктов это особенно актуально: отслеживание партий дизельного топлива и мазута от нефтеперерабатывающего завода до автозаправочной станции в режиме реального времени снижает риски мошенничества и контрабанды [6, с. 25]. Основной объем нефтепродуктов (бензин, дизель, керосин) продолжает перемещаться по традиционным схемам, однако с внедрением IoT-датчиков на трубопроводах эффективность логистики растет [2, с. 33].

Четвертый тренд парадоксален: несмотря на рост потребления нефти в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в Европе и Северной Америке наблюдается закрытие устаревших нефтеперерабатывающих заводов. М.В. Кулаков связыва-

ет это с ужесточением требований Европейского союза по углеродному следу (включая механизм трансграничного углеродного регулирования) и падением маржи переработки [5, с. 38]. Средняя маржа в Европе упала с 8 до 2 долл. за баррель. С 2020 по 2025 год в ЕС закрыто или перепрофилировано 12 заводов [1, с. 28]. Нефтяные компании инвестируют в переделку НПЗ в установки по производству гидроочищенного растительного масла и биоавиатоплива. BP и Shell заявили о сокращении мощностей по переработке нефти на 20% к 2030 году с одновременным ростом мощностей по производству биотоплива [5, с. 42]. В развивающихся странах растет потребление полипропилена, битума и смазочных материалов, которые пока не имеют «зеленых» альтернатив [2, с. 41]. Таким образом, мы наблюдаем дифференциацию: тяжелое топливо (мазут, газойль) уходит в прошлое, тогда как нефтехимическое сырье (нафта) набирает обороты [3, с. 22].

Пятая тенденция касается ценовой волатильности и появления новых индикаторов. Традиционный бенчмарк Brent (Северное море) постепенно теряет универсальность [7, с. 60]. На смену ему приходят корзины: ОПЕК+, российский сорт ВСТО (ESPO) для Азии, а также WTI Houston (с учетом экспорта из США). В 2024 году доля расчетов за нефть в долларах снизилась до 78% (с 88% в 2010 году) – появляются расчеты в юанях (так называемый Petroyuan), индийских рупиях и дирхамах Объединенных Арабских Эмиратов [7, с. 63]. Характерной чертой 2024–2026 гг. стала высокая чувствительность цен к геополитическим новостям. Любая эскалация в Персидском заливе или диверсия на трубопроводе вызывает мгновенный скачок на 5–7% [8, с. 18]. Однако спекулятивные позиции хедж-фондов сократились из-за роста процентных ставок, что снизило ценовые пузыри, но усилило реакцию на реальные шоки от спроса и предложения [2, с. 26].

Итак, мировой рынок нефти и нефтепродуктов вступил в фазу «управляемой нестабильности».

Список литературы

1. BP. Statistical Review of World Energy 2025. London: BP, 2025. 60 p. – URL: <https://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения: 12.04.2026).
2. IEA (International Energy Agency). Oil Market Report – December 2025. Paris: OECD/IEA, 2025. 95 p. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-december-2025> (дата обращения: 12.04.2026).
3. Белова М.Л. Современное состояние и перспективы развития мирового рынка нефти / М.Л. Белова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – №2. – С. 18–24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-mirovogo-rynka-nefti> (дата обращения: 12.04.2026).
4. Григорьев Л.М. Мировой рынок нефти: новые вызовы и адаптация / Л.М. Григорьев, А.А. Курдин // Вопросы экономики. – 2025. – № 4. – С. 5–29.
5. Кулаков М.В. Трансформация мирового нефтяного рынка в условиях энергоперехода / М.В. Кулаков // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – №1. – С. 34–48.
6. Матвеева Е.В. Цифровизация нефтегазового комплекса: мировые тренды и российская практика / Е.В. Матвеева // Нефтяное хозяйство. – 2025. – № 3. – С. 22–27.
7. Фадеев А.С. Трансформация мирового нефтяного рынка: от глобализации к блоковой экономике / А.С. Фадеев // Вестник МГИМО. – 2024. – №3. – С. 45–67.
8. Яковлев И.А. Геополитическая фрагментация и региональные ценовые маркеры на мировом рынке нефти / И.А. Яковлев // Нефть, газ и бизнес. – 2025. – №2. – С. 12–19.